

— Ха-ха, ладно-ладно, тогда поспеши.

Инь Чжоу в пару движений стер остатки сока и трав с кожи, коротко попрощался с коллегами и направился в сторону гримерки. На сегодня его сцены были закончены — стоило лишь смыть грим, и можно было наконец-то отдохнуть.

Гу Цинсю провожал его взглядом. Он задумчиво смотрел юноше вслед, то и дело задерживая взор на его затылке, и хотя из-за расстояния ничего нельзя было разглядеть, Альфа все равно недовольно хмурился.

Ему предстояло сняться в еще одной сцене с Лао Ян и Лао Юем, но до мотора оставалось время. Поскольку эпизод был несложным и не требовал долгой репетиции, актеры просто стояли в стороне, продолжая начатый разговор.

— Слушай, а ты помнишь, как сам в первый раз снимал пластырь для железы? — спросил Лао Юй.

— Еще бы не помнить! — Лао Ян усмехнулся. — Этот случай почетно занимает место в тройке самых позорных моментов в моей жизни. Тогда вся съемочная группа собралась за обедом, и мне «повезло» сидеть прямо за соседним столом от режиссера и инвесторов. Я тогда был совсем зеленым, играл какую-то эпизодическую роль, и никто, конечно, не потрудился предупредить меня о боли. И вот, пока инвестор толкал речь, я решил, что время пришло, и просто потянул за край. Не сказать, чтобы я рванул со всей силы, но морально я был совершенно не готов. В итоге я так взвыл на весь зал, что перепуганный инвестор выплеснул свое вино прямо на режиссера...

Лао Юй лишь сочувственно промолчал.

— Да уж, — Лао Ян сокрушенно покачал головой, — воспоминания не из приятных.

Лао Юй вспомнил про Инь Чжоу.

— Кажется, наш парень не слишком-то поверил нашим советам.

— Ничего, он же Альфа. А Альфы не признаются, что чего-то боятся, пока сами на этом не обожгутся.

— Это точно. Но он такой... нежный, что ли? Кожа кажется совсем тонкой, тоньше, чем у обычных Альф. Представляю, как его проберет. Помучается парень.

— Скорее всего, в итоге придется просить помощи. До того места самому дотянуться-то неудобно, а мы, Альфы, гибкостью Омег не отличаемся.

— Твоя правда. Помню, я в первый раз чуть руку себе не вывихнул, пока корячился.

— К тому же, разве ты не согласен, что когда кто-то другой помогает — это куда круче? В этой бесконтрольности и есть весь кайф!

— Эй-эй, полегче! Тут девушка.

— Ой, виноват, виноват.

Ши Инь недоуменно обернулась.

«А?»

Она пропустила начало их беседы и совершенно не понимала, к чему клонят эти двое.

Гу Цинсю внезапно прервал их:

— Я отойду в гримерку, посижу там немного. Увидимся на площадке.

Лао Ян опешил:

— А, хорошо. До встречи.

Режиссер Гу развернулся и быстро зашагал прочь, Ши Инь едва успевала за ним. Когда они скрылись из виду, Лао Ян легонько подтолкнул Лао Юя локтем:

— Неужели Учитель Гу испугался, что мои рассказы оскорбят его маленькую помощницу-Омегу?

Тот задумался:

— Вряд ли. Ты же ничего такого не сказал. К тому же он, кажется, нас и не слушал вовсе — витал где-то в облаках.

— Витал в облаках?

Когда Гу Цинсю вернулся в свою личную гримерку, там было совершенно пусто. Ши Инь вошла следом и небрежно бросила:

— Брат Гу, ты устал?

Обычно он редко возвращался в гримерку во время перерывов. Чаще всего он оставался на площадке: будучи еще и режиссером, Гу Цинсю всегда находил, с кем обсудить процесс, а если и молчал, то просто вдумчиво перечитывал сценарий.

Мужчина на мгновение замер, не отвечая. Ши Инь заметила, как выражение его лица на секунду изменилось — тень сомнения промелькнула во взгляде, брови едва заметно сошлись на переносице. Но он быстро взял себя в руки, прошел к дивану и сел.

— Да, — коротко ответил он. — Решил немного посидеть.

Ши Инь моргнула.

«Неужели? — подумала она. — Кажется, странное выражение на его лице вовсе не было признаком усталости, да и в целом он не выглядел изнуренным»

Однако, не найдя других причин и решив, что это не стоит ее внимания, она не стала расспрашивать.

В это время в общей гримерке Инь Чжоу сидел перед зеркалом. Заведя руку за голову, он нащупал край пластыря для железы и попытался подцепить его большим пальцем. Юноше потребовалось несколько попыток, прежде чем он смог ухватиться за кончик и начать медленно тянуть.

Лао Ян, Лао Юй и даже Гу Цинсю предупреждали его, что в первый раз будет больно и неприятно. Инь Чжоу не собирался игнорировать их советы, разве что не пошел в туалет, как рекомендовал Учитель Гу.

Но как только край начал отделяться от кожи, ощущение было таким, словно ему на голову внезапно вылили ушат ледяного града. Актер застыл на месте, его запястье мелко задрожало.

«...!»

Он ожидал боли, но не думал, что даже на самой границе железы, там, где пластырь едва касался чувствительной зоны, возникнет такое чувство, будто кожу сдирают живьем. Казалось, тысячи невидимых игл, до этого мирно спавших в порах, при движении начали вырываться

наружу вместе с плотью!

Инь Чжоу охватил беспричинный ужас. Сердце сорвалось в галоп, яростно колотясь о ребра. Стиснув зубы, он сумел отклеить лишь жалкий сантиметр, прежде чем его рука бессильно опустилась.

Черт, как же больно!!

Ему даже почудилось, что пластырь намертво прилип к коже и он действительно содрал ее. Он прерывисто вздохнул и осторожно коснулся затылка — кожа была цела, но по ощущениям она была словно обнаженное мясо, впервые встретившееся с воздухом. Малейшее касание заставляло его невольно вздрагивать.

От этого чувства по спине пробежал холодок. Юноша сидел, низко опустив голову, и в его взгляде читалась полная растерянность.

«Может, это просто иллюзия? — подумал он. — Я ведь отклеил совсем крошечный кусочек. Возможно... возможно, нужно просто привыкнуть?»

Инь Чжоу снова поднял руку. На этот раз он действовал еще медленнее, буквально по миллиметру сдвигая липкий слой. В результате ощущение вырываемых игл стало еще отчетливее, а боль — тягучей и бесконечной, словно он намеренно растягивал собственную попытку...

Тело напряглось до предела, сопротивляясь каждому мимолетному движению, пока рука окончательно не ослабела. Он отстранился, так и не решившись продолжить. Инь Чжоу с недоверием смотрел на свои пальцы.

«Проклятье, что за бред? Это куда страшнее, чем я себе представлял! — пронеслось в голове. — Они ведь не говорили, что все будет именно так! Неужели это из-за аллергии? Гиперчувствительная кожа в разы усиливала любой болевой импульс»

Инь Чжоу с трудом сглотнул, пытаясь выровнять дыхание. Что же делать?

В этот момент подошла гример:

— Брат Чжоу, давай я помогу тебе смыть грим.

Заметив задравшийся уголок пластыря на его шее, она решила, что юноше просто неудобно тянуться самому, и добродушно предложила:

— Хочешь снять пластырь? Тебе, наверное, неудобно самому сзади подлезать. Давай помогу?

Инь Чжоу вздрогнул, мгновенно развернулся к ней и затряс головой:

— Нет-нет, не надо! Я сам!

В голове сразу вспыхнула картина того, как девушка, ничего не подозревая, одним резким движением срывает этот чертов кусок пластика... После такого он точно заработает себе ПТСР!

Гример на секунду замялась:

— Ох, хорошо. Тогда приступим к снятию грима?

Инь Чжоу снова отказался, стараясь придать своей улыбке естественный вид:

— Не стоит, я сам позже справлюсь. Все равно на сегодня я свободен, времени полно.

Девушка не совсем поняла его мотивов, но поскольку многие актеры предпочитали смывать грим самостоятельно, настаивать не стала. Она лишь еще раз взглянула на его лицо — щеки юноши пылали румянцем. Ей вдруг показалось, что сегодняшний образ идет Инь Чжоу как никогда: он выглядел необычайно хрупким и изысканным. То ли дело было в самом гриме, то ли он еще не вышел из роли, но его глаза сейчас казались влажными, а взгляд — непривычно мягким и беззащитным.

— Хорошо, Брат Чжоу. Кстати, я видела твою игру сегодня... Это было просто потрясающе! Мой любимый Ло Цянь в твоём исполнении — это что-то невероятное!

Инь Чжоу снова улыбнулся ей:

— Спасибо, мне очень приятно это слышать.

Гример смущенно улыбнулась и отошла, думая про себя: оказывается, даже Альфа может вызывать такое нестерпимое желание... поиздеваться над ним! Это определенно попадало в сферу ее тайных фетишей.

В это время в дверях показалась Ся Лян. Увидев Инь Чжоу, она на мгновение замерла с весьма странным выражением лица. Как Альфа, предпочитающая Омега-женщин, она вдруг поймала себя на мысли, что юноша, сидящий сейчас перед ней, выглядит чертовски «по-омежьи». Прямо-таки воплощение Омеги.

Разгоряченное лицо, прерывистое дыхание, во взгляде — нерешительность и какая-то детская беспомощность.

Что с ним? Должно быть, она просто слишком впечатлилась его последними сценами — ведь в жизни Инь Чжоу не было ни капли омежьей покорности.

Ся Лян отвела взгляд и прочистила горло:

— Почему еще не смыл грим? Твое расстройство еще не прошло, да и после вчерашнего... Сегодня тебе нужно как следует отдохнуть.

Актер промолчал, глядя на нее так, словно решал в уме сложнейшую задачу.

Ся Лян: — ?

Она посмотрела на Сяо Ян, но та лишь покачала головой — она была занята вещами и не видела метаний Инь Чжоу. Наконец юноша принял решение:

— Сестра Ся, помоги мне снять пластырь. Только, умоляю, очень медленно. Кажется, у меня на него аллергия, и когда снимаешь... в общем, больновато.

Ся Лян всполошилась:

— Что? Аллергия? Почему ты сразу не сказал! Если все серьезно, придется ехать в больницу. Быстро снимай эту дрянь. Больно, говоришь? Ладно, я буду осторожна, потерпи немного.

Она обошла кресло и потянулась к отклеившемуся уголку. Инь Чжоу тут же перехватил ее руку:

— погоди, не спеши! Слушай меня внимательно: я буду говорить, когда быстрее, когда медленнее. Железа может не выдержать. И ни в коем случае не вздумай сорвать его одним махом!

Увидев его предельно серьезное лицо, Ся Лян невольно спросила:

— Все настолько плохо?

— Да, — Инь Чжоу выдохнул. — Куда хуже, чем я думал.

Лицо Ся Лян стало суровым:

— Поняла. Я помогу.

Сяо Ян тоже занервничала и встала рядом, наблюдая. Ся Лян едва коснулась кончиками пальцев края пластыря, случайно задев кожу рядом, и плечи Инь Чжоу тут же судорожно дернулись.

— ...Все нормально, продолжай.

Видя его реакцию, Ся Лян втянула воздух сквозь зубы и начала еще более аккуратно оттягивать липкую ленту. Юноша яростно нахмурился. Боль в гиперчувствительной зоне заставляла его тело невольно отклоняться назад в тщетной попытке избежать мучения. Его пальцы так сильно впились в подлокотники кресла, что дерево жалобно заскрипело.

Ся Лян, напуганная этим звуком, невольно вздрогнула, и ее рука совершила резкое движение. От вспышки боли в голове у Инь Чжоу помутилось. Он инстинктивно вскочил, подаваясь вслед за ее рукой.

— Ох, прости! Рука сорвалась!

Инь Чжоу вцепился в спинку кресла. Боль была такой невыносимой, что он непроизвольно выпустил феромоны. Несмотря на подавляющий спрей, Ся Лян мгновенно ощутила густой, терпкий аромат красного вина. Запах был настолько мощным, что никакой ингибитор не мог его сдержать. Ся Лян резко побледнела от этого удара и отступила на два шага.

К счастью, в гримерке почти никого не было — все были заняты на площадке. Ресницы Инь Чжоу мелко дрожали. Эта боль не была похожа ни на какую другую. Даже при отсутствии внешних ран сигналы, идущие от этого средоточия нервных окончаний, были за гранью человеческого терпения.

Сяо Ян тоже почувствовала запах вина. Глядя на искаженное лицо юноши, она с тревогой произнесла:

— Брат Чжоу, может, все-таки в больницу?

Ся Лян пришла в себя. Благо Инь Чжоу еще соображал и быстро подавил выброс феромонов.

— У меня... рука дрожит, — призналась она. — Тебе от этого только хуже будет. Давай правда в больницу.

Когда экзекуция прекратилась, актер немного пришел в норму.

— В больнице его будут снимать точно так же. Попробую найти кого-нибудь другого.

С этими словами он поднялся и вышел. Ему нужен был кто-то с очень твердой рукой. Кто-то,

кто поймет его состояние. Кто-то по-настоящему внимательный.

Он вернулся на площадку, выискивая глазами знакомый силуэт. Там всюду шла подготовка к следующему кадру, но нужного человека не было видно. Лао Юй первым заметил его:

— Инь Чжоу? Еще не ушел? Кого ищешь?

— Мне нужен Учитель Гу. Он не здесь?

— Он у себя в гримерке.

— Понял, спасибо.

Не тратя времени на лишние слова, юноша развернулся и почти бегом направился к личной гримерке Гу Цинсю. Лао Юй проводил его взглядом, усмехнувшись при виде задравшегося пластыря на его затылке.

«Эх, молодежь... Жизнь тебя еще научит»

Инь Чжоу остановился перед дверью Гу Цинсю и коротко постучал.

— Войдите.

Юноша вошел и сразу увидел Альфу, сидящего на диване. Гу Цинсю читал сценарий, но при звуке шагов поднял голову. Их взгляды встретились. Инь Чжоу замялся. Гу Цинсю молчал, спокойно и выжидающе глядя на него. Ши Инь переводила взгляд с одного на другого, не понимая, что происходит.

Наконец актер прошел вглубь комнаты. На его лице появилось то самое выражение, которое всегда возникало рядом с этим человеком: смесь дерзости и неловкости. Он криво усмехнулся:

— Учитель Гу, не хотите ли оказать мне одну услугу?

Гу Цинсю окинул его оценивающим взглядом, и в уголках его губ на мгновение затаилась едва заметная улыбка. Юноша выглядел точь-в-точь как промокший под дождем щенок, который, несмотря на всю свою гордость, все же вернулся за помощью.

Альфа отложил сценарий, поднялся с дивана и, словно заранее зная, зачем тот пришел, коротко бросил:

— Идем.

Когда дверь в переодевалку закрылась за ними, Ши Инь готова была прожечь в ней дыру взглядом.

«Почему эта сцена показалась мне такой... необъяснимо притягательной?! А-а-а!»

В тесном пространстве переодевалки Инь Чжоу уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Гу Цинсю лишь властно кивнул ему в сторону стены.

— Повернись. Руки на стену.

Инь Чжоу опешил, но все же послушно подошел к стене.

— Зачем?

Разве нельзя было сделать это просто так?

Гу Цинсю шагнул к нему и накрыл его плечо ладонью. Инь Чжоу кожей ощутил жар чужого тела, исходящий от Альфы. Он инстинктивно попытался отстраниться, но не тут-то было. Властная сила в руках Альфы не оставила ему ни единого шанса — актер вдруг осознал, что не может даже шелохнуться.

Взгляд Гу Цинсю замер на его затылке.

— Затем, — тихо проговорил он прямо над его ухом, — что я не позволю тебе сбежать.

<http://bllate.org/book/15873/1500559>